

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2020.49.13.035

Методологические основы системного анализа экономических систем и их социокультурной сферы

Евлоев Тимур Ибрагимович

Магистр,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: evloevtimur177@gmail.com

Аннотация

Длительное игнорирование экономической наукой специфики культурных сред экономической деятельности и сосредоточение на едином унифицирующем принципе рационального *maxutility*, было существенным теоретическим ограничением как сравнительного анализа экономических систем, так и нахождения оптимальных в смысле эффективности и комплементарных в смысле интегральности, совместного действия, инновационных моделей экономических трансформаций. В большинстве случаев жизнь отрицала выводы оракулов экономикса, выдвигая непредсказуемые экстерналии, генерируемые преимущественно культурой. И даже мимезис институтов, которые дали успешный опыт благосостояния в одних странах, зависали как симулякры в паттернальных практиках экономического реформирования в других странах. Медленно приходило понимание, что успех реформ возможен там, где нарративы *maxutility* вписываются в архетип национальной культуры, где существует комплементарность аксиологических смыслов объекта мимесиса и субъекта трансформаций – экономисты заговорили о обуславливающей роль культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Евлоев Т.И. Методологические основы системного анализа экономических систем и их социокультурной сферы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 5А. С. 298-307. DOI: 10.34670/AR.2020.49.13.035

Ключевые слова

Цели, структура, паттерн, проект, социокультурная сфера.

Введение

Выстроенный на основе аксиологического нарратива и оформленный в систему средств и целей с пониманием цели, структуры, процессуальности, функций и среды, парадигмальный проект имеет своим назначением овеществление в праксеологический паттерн определенного качества в определенной модальности общественного бытия для его воспроизведения в социальном пространстве и историческом времени. Как и парадигма, паттерн представляет собой идеальный проект-матрицу, ядром которого служит аксиологический нарратив как идеальный образ мира, где положительно решены противоречия между бытием и небытием, и который является образцом постижения желаемой действительности в полной релевантности замысла и результата. Паттерн – это футуро-синергетический проект общественного воспроизводства, где в фокусе актов сознания перекрещивается прошлое, оформленное в памяти как опыт, и будущее, конституированную идеалом и определенное образным воображением. Паттерн принято определять как внутреннюю структурную схему явления, которое лежит в основе его воспроизводимости и обеспечивает устойчивость и узнаваемость. Структура паттерна представляет собой триаду: организационный паттерн, паттерн-усилитель и гомеостатический паттерн. Паттерны обеспечивают примордиальную идентичность культуры в историческом времени благодаря своей матричной природе. Как проект-матрица, каждый паттерн имеет ядро – банк хранения филогенетической информации о первичный опыт антропосукцесии исторического бытия того или иного народа, семантический континуум архетипово-ментальных кодов воспроизведения бытия через культуру, традицию, обряд, обычай, ритуал, церемонию, инициацию и, как не странно, – инновацию. Функцию обеспечения жизнедеятельности ядра паттерна выполняют три защитные оболочки, которые реагируют на внешние вызовы и подлежат частичной модификации: религиозная (обоснование Добра), эстетическая (манifestация Красоты) и когнитивная (поиск Истины). Эти оболочки выступают как религия, искусство и наука. Все три оболочки предопределяют тип доминирующей культуры, служа тем аксиологическим меганаративом, который обеспечивает качество фильтра сознания, а следовательно, в значительной степени ответственный за избирательность распаковки одних спрессованных смыслов семантического вакуума и игнорирование других. Именно так культура ментально детерминирует выбор субъекта, в частности в сфере производства инноваций, то есть, создания новых текстов, новых интерпретаций возможного как действительного.

Основная часть

Паттерн является моделью взаимодействия индивида и общества, и по форме лигатуры существуют три типа паттернов, которые, в то же время, представляют собой структурную триаду паттернальной конфигурации, которая синергически реализует проект воспроизводства в практике хозяйствования. Итак, по определению К. Кантора, существуют апаттерн, β -паттерн и γ -паттерн. Первый тип, - α -паттерн, - это харизматичный пассионарий, часто субстанциональный деятель и монадная личность, который реализацию ценности в бытии трактует как высшее благо социума и свой моральный долг. Такие личности способны считывать и распаковывать семантические смыслы информационного поля, то есть познавать онтологию ценности, и на этой основе продуцировать тексты – парадигмальные проекты развития. Понятно, что во времена структурных изменений, такие личности олицетворяют

организационный паттерн. Они часто становятся лидерами нации, моральными авторитетами социума или получают посмертную славу, вписывая имя в историю страны. Следующий, β -паттерн играет особую роль: такой субъект живет в обществе, но не страдает альтруистическими чувствами нравственного долга, чувствуя себя ответственным за судьбу социума. Он действует как автономный индивид, субъект в "поле точек силы" (П. Бурдьё), накапливая энергию и опыт. Для общества такие люди становятся полезными, когда необходимо дать неожиданные ответы на неожиданные вызовы. В экономике субъекты β -паттерна олицетворяют искателей легальных способов ренты. Самым распространенным типажом этого паттерна выступает шумпетеровский Эфор рынка - банкир, а в современных условиях - это преимущественно венчурный капиталист. Основная функция β -паттерна - обеспечить ресурсами материализацию парадигмального проекта в паттернальные практики экономической действительности, проинвестировав инновацию. Потому как субъект лигатуры по организационному α -паттерну, β -паттерн реализует контур усилительной обратной связи, помогая бифуркационно воплощать инновационные проекты в экономическую действительность. Однако, функция γ -паттерна еще более особенная: с одной стороны, он выступает оппортунистом ценностей существующей социальной системы, к которой принадлежит, а с другой - олицетворяет гомеостатическую функцию паттернальной триады, по сути, олицетворяя цель системы. Эти, на первый взгляд несовместимые функции γ -паттерна (оппортунизм и кульминация синергии в конечном результате) обеспечивают динамическое равновесие системы в ее эквифинальности. Ипостасные проявления этого паттерна тоже широки и неожиданны в алогичности: от субпасионария, уголовного преступника и представителя креольской элиты у власти до нигилиста в морали и маркетолога в бизнесе.

Итак, ядра α -, β - и γ -паттернов появились как последствия, когда адаптирована антропологическая равновесие на заре исторического бытия этноса оформилась в аксиологические интерпретации и закрепилась в культуре как ресурсная база общественного воспроизводства. К. Кантор подчеркивает, что там, где в силу природных обстоятельств культура формировалась на основе совместной, коллективно согласованной деятельности, возникли предпосылки оформления α -паттерна в статусе доминирующего аксиологического нарратива.

Когда же природно-климатические условия требовали самостоятельной инициативы и обособленной хозяйственной практики - там образовалось ядро γ -паттерна. Если же экологическая ниша выдвигала необходимость коллективных действий в одних случаях и индивидуальных практик в других, то становление культуры, в частности лигатур между субъектами производства и распределения, оформлялось в виде β -паттернального ядра.

Каждый культурный паттерн является фактом самоорганизации открытых стационарных систем, в котором отразился опыт воплощения ценности в бытии. Именно паттерн служит тем звеном, благодаря которой потенциал необходимой упорядоченности возможной желаемой действительности осуществляется в степенях самоорганизации. Но когда система достигает состояния своего гомеостаза и энергетические потенциалы «точек силы» (ресурсные бюджеты и возможности субъектов хозяйствования) выравниваются (когда, по И. Шумпетеру, прибыль уже не производится), то силы самодеструкции начинают доминировать над силами самоорганизации. В условиях позитивной антропосукцесии, когда лигатуры обусловлены отнологическим обоснованием воплощение ценности в бытии, силы деструкции подчинены силам самоорганизации, чем обусловлена необходимость «творческих деструкций» И. Шумпетера, что предшествует возможности инновационного замещения «паровозами

дилижансов».

Как и любая «природная сущность» (именно так Л. Мельник называет открытые стационарные системы), каждая социокультурная экономическая система имеет три сущностных начала: материально-энергетическое, информационное и синергетическое. Методологический подход на основе триединой взаимодействия указанных сущностных начал природы Л. Мельник называет триалектикой. Он пишет: «Материально-энергетическое начало формирует материальные компоненты системы и в сочетании с ее направляющим информационным алгоритмом обуславливает способность системы совершать работу, реализовывать процессы обмена (метаболизма) вещества, энергии и информации с окружающей средой, а также между компонентами самой системы. Информационное начало обуславливает формирование информационных характеристик системы, то есть закрепленных ее памятью алгоритмов реализации энергетических потенциалов, которые обеспечивают способность системы изменяться (или не изменяться) в пространстве и времени с определенными программами. Синергетическое начало обуславливает взаимодействие системы с другими системами в окружающей среде, а также взаимодействие отдельных частей системы между собой, вследствие чего они начинают действовать как единое целое, формируя собственно данную систему». Отечественный ученый выделяет «воспроизводственный феномен» как четвертое сущностное начало, то есть, собственно паттерн – устойчивый мимезис циклов восстановления во времени и пространстве в каждой природной сущности ее определяющих свойств.

Триалектическая структура сущностных начал природы существования каждой открытой стационарной системы, в частности социокультурной экономической системы, Л. Мельника коррелирует с нашей гипотезой о структуре социокультурных факторов общественно-экономического развития: аксиологического нарратива, парадигмального проекта и праксеологического паттерна. Аксиологический нарратив, в котором как ценность проявляет себя в историческом времени метафизический принцип единого сущего, предстает как «знамения эпохи» в форме парадигмального проекта, являясь его интегральным ядром, аккумулирующим качественный потенциал воли к жизни. Таким образом, аксиологический нарратив коррелирует с синергетическим началом сущностных сил природы, способствуя формированию системных целей на основе совместной интерпретации распакованных смыслов семантического вакуума в виде текстов – феноменов культуры. Парадигмальный проект соответствует информационному началу, формируя вектор реализации энергетического потенциала (воли к жизни). И, в конце концов, праксеологический паттерн соответствует материально-энергетическому началу, обеспечивая энергетическую потенцию движения природных сущностей в их благоустроенной определенности. Сам Л. Мельник отождествляет природные сущности с Ипостасями Христианской Троицы, дематериально-энергетическим началом выступает Бог-Отец как универсальное единое первоисточник движения всех реальных и виртуальных систем, Сын-Логос как информационное начало, которое «рождается» (эффект Вифлеема) с энергетических потенциалов системы (по сути Богом-Отцом) и закрепляется памятью – местом и способом сосредоточения мысли, словом, в котором концентрируется сила жизни, изменений и развития, что есть «Путь, Истина и Жизнь». Синергетическое начало соответствует Святому Духу-сублимированной свободе абсолютного бытия, активирующей и сочетающей энергетические потенциалы, конституированные словом, в творческую мистерию новой жизни.

Каждая экономическая система тоже атрактивная, что подтверждает, в частности,

актуальность дискурса о мультикультурности, прежде всего, в условиях глобальной экономической действительности. Как историческое явление аттрактор возникает как следствие адаптации и ассимиляции защитными оболочками ядра паттерна тех элементов вызовов, которые комплиментарны аксиологическому нарративу паттернального ядра доминирующей культуры, соответственно, идейной или чувственной. Среди множества определений экономических систем в современной экономической литературе мы выбрали следующее: экономическая система – это общественная структура и общественный организационный механизм, в рамках которых осуществляется экономическая деятельность людей, обеспечивается материальная основа функционирования и развития общества. Как и любая открытая стационарная система, экономическая система, являясь как интегральной характеристикой целостности реально-идеального объекта, так и ментальной комбинацией элементов, что дает представление субъекту познания об интегральную целостность объекта, вместе с тем представляет собой такую целостность, которая на основе самореферентности способна продуцировать новые качества целого, то есть, новое бытие. А это означает аттрактивность экономической системы, потому что каждый акт бытия инициирован сущим как ценностью, данной в познание через культуру. Поэтому анализ экономических систем как социокультурных феноменов следует осуществлять на основе идентификации их аттракторов, в частности: аксиологических нарративов, парадигмальных проектов и праксеологических паттернов.

Современная мейнстримная экономическая теория представляет собой продукт аксиологического релятивизма, наиболее распространенной формой которого выступает утилитаризм, или, по определению С. Булгакова, «социальный бентамизм».

Основная ценность утилитаризма – полезность, то есть, согласно Дж. Бентамом, «свойство предмета приносить выгоду, преимущество, удовольствие, добро или счастье» в диапазоне тисков «страдания и удовольствия». Сразу бросается в глаза несколько несоответствий. Во-первых, принцип фатальной дискретности человеческого существования в режиме «страдания – удовольствия», которые «управляют всем, что мы делаем, говорим, что мы думаем» и «уподобившись этой власти навсегда», человек обречен положить этот дискретный фатализм «в основу системы, целью которой является ткать ковер счастья руками разума и закона». Во-вторых, в понятие полезности Дж. Бентам вплел такое количество различных компонентов, что С. Булгаков констатировал:

«Если уравнивать добро и удовольствие, то любое падение и уродливая порок может быть освящено этим принципом». В концепции Дж. Бентама "руки разума и закона" в равной степени заботятся как об индивидуальной, так и об общественной полезности, не допуская мысли об их возможном антагонизме. Но знак равенства и тождества между добром и удовольствием нарушили Н. Макиавелли и Б. Мандевиль, выдвинув принцип экономической целесообразности и конструктивности зла. Первый заявил, что «кто помогает могуществу другого, тот погибает, потому что...» «о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны, непостоянны, лицемерны, трусливы перед опасностью, жадны до наживы», «не могут сойтись для избрания нового из своей среды, а жить свободными не умеют». То есть, зло, по Н. Макиавелли, оправдано в политике как ресурс порядку. Б. Мандевиль пошел еще дальше: богатство каждого общества обязано его недостаткам, ибо последние приумножают эффективный спрос, который становится движущей силой экономики, ведь каждый недостаток – это потребность в товаре или услуге. По мнению Т. Седлачека, Б. Мандевиль – это апологет «философии скупости» как условия общественного прогресса. Бентамовский роковой дуализм "страдание-удовлетворение

«Б. МанDEVиль интерпретирует в императивной оппозиции "мораль – процветание": экономическое благосостояние растёт лишь там, где пороки доминируют как ценности. Потом в А. Смита частные эгоистические пороки с помощью «невидимой руки» конкурентного рынка становятся общественным благом, «благосостоянием наций», ведь желающий питаться апеллирует не к добродетели, а к жадности «булочника, мясника и пивовара». Б. МанDEVиль, по сути, заложил идею, которая стала краеугольным камнем современной экономики: всевозрастающий спрос на основе культивируемой жажды является залогом прогресса, потому что только целенаправленное производство новых благ и соблазнов увеличивает спрос и активизирует предложение в режиме мира как дефицита. Этот экономический императив одновременно и моральный, потому что даже Иисус запрещал ученикам вырывать полностью плевелы.

Со времён Аристотеля целью экономики было «общее благо», но усилиями Б. МанDEVиля акцент сместился к потаканию индивидуальной жадности. Поскольку персональные изыскания, а резонанс от них общественный, потому что стимулирует разномасштабное возрастающее производство, принцип индивидуального *maxutility* становится организационным паттерном экономических отношений, закладывая мину замедленного действия неотвратимости противоречий между микро - и макроэкономикой в условиях каталитического гомеостаза (о чём подчеркивал Дж. М. Кейнс). Таким образом, аксиологический релятивизм современного мейнстрима породил два типа противоречий:

1) по определению С. Булгакова, утилитарная «погоня за всеобщим счастьем как целью истории – это затея невозможна, ибо цель эта невысказанная и неуловимая»;

2) превратив ценности в средства субъективного удовлетворения, экономика стала системой-симулякром, которая, с одной стороны, признаёт цель как беспредельный рост в условиях мира как дефицита, где противоречия неотвратимы, а с другой – пытается объяснить все в мире с помощью единого фактора, самой экономики».

То есть мейнстрим, перефразируя Г. Гегеля, абсолютизировал экономику и тем превратил истину в догму, умертвив истину. Вся индустрия культуры массового потребления ориентирована на постоянно возрастающее производство соблазнов, где рациональность мышления и действия, – ключевой постулат гомоэкономикоса - это "инструмент диктатуры собственных грез". Е. Коломбатто отмечает, что «одним из дефектов, который представители мейнстрима в течение последних 50-ти лет отказываются обсуждать, сдвиг к холистическим конструкциям, а другим дефектом выступает всталая с конца XIX века концепция гедонистической рациональности... За то экономическая теория поддалась соблазнам индуктивизма и погрузилась в поиски иллюзорной надёжности и псевдопрогнозирующей точности количественных методов», за что «доктрина свободного рынка приобрела характер скорее моральной философии, чем политической целесообразности» [7, с. 622]. Чтобы экономическая теория обрела статус науки, утверждает Е. Коломбатто, мейнстрим создал искусственного индивида и не только начал формировать теории относительно поведения этого актера, но и тестировать эти теории на выдуманном репрезентативном агенте. «В качестве агентов, которые ставят перед собой цели, – пишет Е. Коломбатто, – экономисты начали рассматривать выдуманных виртуальных роботов, а агрегаты деятельности таких роботов начали трактовать как субъекты, наделенные целями и свойствами личности». Зато «экономисты... пытаются моделировать психологические паттерны... трактуя их как параметры гедонистической экономико-теоретической игры», за что «идея свободного рынка, выдает желаемое за действительное и не выдерживает критики». Консеквенциализм, составляющей

которого является утилитаризм, судит о нравственности действий по результатам, то есть ситуационно, из-за чего не может объяснить утечки противоречий в сфере распределения в условиях гомеостаза, прежде всего, оптимума Парето. Зато деонтологический этический императив утверждает, что нравственность действия нарративная относительно действия в принципе, независимо от результата, что сближает эту доктрину с идеей «общего блага» Аристотеля и текстами Священного Писания. В дальнейшем на страницах этого исследования мы покажем обоснованность этой доктрины для когнитивной экономики. Е. Коломбато делает вывод, что «экономическая профессия требует радикального переосмысления базовых элементов».

Социально-экономическое развитие (или прогресс цивилизации) является результатом рационально спланированных изменений, за что ответственна бентамовская «рука разума». Поэтому рационализм, как утверждал лидер маржинализма К. Менгер, является универсальной чертой человеческого поведения. Маржиналистская тезис о рациональной максимизации полезности мейнстримом трактуется как аксиоматическая модель поведения – любая человеческая мотивация сводится к совершенно осмысленной в условиях абсолютной осведомленности целенаправленной рациональной деятельности для максимизации возможного удовлетворения постоянно растущих потребностей (навязанных индустрией соблазнов) в режиме мира как дефицита. Еще Т. Веблен отмечал, что основной ошибкой неоклассической экономической науки является то, что она, принимая определенное поведение – экономическую рациональность – и вместо того, чтобы рассматривать это как конкретное поведение в условиях определенного места и времени, называет ее нормальной структурой, к которой стремится каждая поведение при любых условиях.

По мнению Р. Талера, мейнстриму свойственны еще два дефекта: 1) он не учитывает "эффект эндаумента" и 2) совершает "ошибку хиндсайта". Г. Талер – один из лидеров поведенческой экономики, рядом с Д. Канеманом и А. Тверски, – утверждает, что мейнстримный экономикс исходит из двух методологических предпосылок:

1) человек осуществляет выбор, исходя из возможного оптимального результата, выбирая самое полезное из имеющегося. «Рационал» (так называет *maxutility* Г. Тайлер) практикует везде и всегда беспристрастный выбор на основе рациональных ожиданий. К. Талер иронизирует (несколько даже цинично): «В мире Рационалов общество не будет платить за спасение одного идентифицированного жизни больше, чем за двадцать статистических жизней»;

2) фундаментом догмы есть понятие «эквilibриума» – условная оптимизация при ограниченном бюджете автоматически активизирует такие флуктуации, когда благодаря эластичности цен на конкурентном рынке достигается равновесие между спросом и предложением, то есть: «Оптимизация + Эквilibриум = Экономика».

Но на самом деле задача оптимизации – чрезвычайно сложное, особенно в условиях информационной асимметрии. «Учитывая частоту неудачных решений на основе якобы оптимизации и рационализации, – пишет Г. Талер, – тяжело поддерживать иллюзию об абсолютной рациональности выбора». Эффект эндаумента связан с ценой возможности – перспективой потери ценности в условиях альтернативного выбора. Соотнести цену возможности с реальными затратами крайне проблематично, потому что для каждого человека большей ценностью наделяются те вещи, которые являются частью ее облечения: Г. Талер на одном примере показал, как два человека вполне рационально и оптимально реализовали два противоположных подхода максимизации индивидуальной полезности через рыночные

транзакции, считая друг друга глупцами. Суть проблемы заключается в явлении «фрейминга» – разном подходе субъективного оценивания цены возможности, на чем выстраивается стратегия «подталкивания», маркетинговых nudging-технологий для навязывания ментальных моделей «неправильного запоминания» в режиме «архитектуры выбора». По сути, новая поведенческая теория возникла как серьезный интеллектуальный вызов догмам мейнстрима. Не менее серьезными вызовами считаются: «философия хозяйства» С. Булгакова, эволюционная экономическая теория И. Шумпетера, физическая экономия М. Руденко – С. Подолинского, Другой канон Е. Райнерта, Синяя Экономика Г. Паули и др.

Заключение

В чем заключается суть атрактивности мейнстримного образа экономического мышления? Во-первых, праксеологический паттерн связан с полем каталаксии, то есть, гомеостатический паттерн выступает как организационный, через что α -паттерн ограничен дискретностями рационального выбора в принципе, а β -паттерн с одним и тем же успехом вливает энергию как в инвестиционный проект, так и в симулякр. Во-вторых, парадигмальным проектом, проявляющим цель системы, является желаемый гомеостаз согласно оптимуму Парето (ответы на то, почему после этого в обществе нарастают противоречия, мейнстрим избегает). В-третьих, аксиологический релятивизм в качестве аксиологического наратива трактует эгоизм как этическую ценность и основу морали, где целью служит гедонистическое самоудовлетворения в потреблении, а все остальное – средства. Такая композиция паттернальной конфигурации атрактивности мейнстримовского мышления является сугубо симулятивной и обязательно предусматривает асимметричное пространство (о котором преимущественно замалчивается) как ресурсную базу воспроизведения паттерна мейнстримного экономикса. Но противоречия нельзя игнорировать вечно, зоны разломов углубляются и вызовы могут прийти откуда угодно. В этом исследовании мы выясним логику циклических флуктуаций, механизм нисходящей траектории цикла и ноуменально-аттрактивную обусловленность фазовых переходов трансформации экономических систем в социокультурном континууме.

Библиография

1. Acemoglu, D., S. Johnson, and J. Robinson. 2006. Institutions as the fundamental causes of long-run growth. In *Handbook of economic growth*, ed., P. Aghion, and S. Durlauf. Amsterdam: North Holland. 385-464.
2. Acs, Z., 2000, 'The Historical Role of the Small and Medium Size Enterprise Sector in Developing and Developed Capitalist States', in B. Dallago and R. McIntyre (eds.), *Great Hopes and Mixed Achievements: SMEs in Transitional Economies*, Oxford and Helsinki: Oxford University Press and UNU/WIDER.
3. Bagella, M. (ed.), 1998, *Distretti, Ricerca e Sviluppo, Esportazioni: Fatti Stilizzati e Risultati Empirici*, Mediocredito Centrale, Osservatorio sulle Piccole e Medie Imprese, Quaderni di Politica Industriale, N. 19.
4. Barca, F. (ed.), 1997, *Storia del Capitalismo Italiano dal Dopoguerra a Oggi*, Rome: Donzelli.
5. Carroll, G.B., and M.J. Hammond. 2000. *The demography of corporations and industries*. Princeton: Princeton University Press.
6. Cheng, W., and X. Yang. 2004. Inframarginal analysis of division of labor: A survey. *Journal of Economic Behavior and Organization* 55:137-74.
7. Dallago, B., 1996, 'Investment, Systemic Efficiency and Distribution', *Kyklos* 49(4), 615–641.
8. Diamond, J. 2005. *Collapse: How societies chose to fail or survive*. New York: Viking Penguin.
9. Engels, Friedrich (1961), *Origin family, chaste property and state*, in: Karl Marx and Friedrich Engels, Vol. 2nd ed, Moscow, Part 21
10. Epstein, J.M., and R. Axtell. 1996. *Growing artificial societies: Social science from the bottom up*. Washington: Brookings Institution Press.
11. Fisk, G. 1967. *Marketing systems: An introductory analysis*. New York: Harper & Row.

12. Foss, N. and B. Loasby (eds.), 1998, *Economic Organization, Capabilities and Coordination*, London: Routledge.
13. Helpman, E. 2004. *The mystery of economic growth*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
14. Higgs R. (1985), *Crisis, the growth of the state and ideological strike-slip faults, two hypotheses about the "inertial phenomena"*, <http://liberty-belarus.info>.
15. Ho, S.C. 2005. *Evolution versus tradition in marketing systems: The Hong Kong food retailing experience*. *Journal of Public Policy & Marketing* 24:90-9.

Methodological bases of system analysis of economic systems and their socio-cultural sphere

Timur I. Evloev

Master,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: evloevtimur177@gmail.com

Abstract

The long-term ignoring by economic science of the specifics of cultural environments of economic activity and focusing on a single unifying principle of rational maxutility was a significant theoretical limitation of both comparative analysis of economic systems, and finding optimal in terms of efficiency and complementary in terms of integrality, joint action, and innovative models of economic transformations. In most cases, life denied the conclusions of the oracles of Economics, putting forward unpredictable externalities generated primarily by culture. And even the mimesis of institutions that gave a successful experience of well-being in some countries, hung as simulacra in the pattern of economic reform practices in other countries. It was slowly realized that the success of reforms is possible where the narratives of maxutility fit into the archetype of national culture, where there is a complementarity of axiological meanings of the object of mimesis and the subject of transformations-economists began to talk about the determining role of culture.

For citation

Evloev T.I. (2020) *Metodologicheskie osnovy sistemnogo analiza ekonomicheskikh sistem i ikh sotsiokul'turnoi sfery* [Methodological bases of system analysis of economic systems and their socio-cultural sphere]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 10 (5A), pp. 298-307. DOI: 10.34670/AR.2020.49.13.035

Keywords

Goals, structure, pattern, project, socio-cultural sphere.

References

1. Acemoglu, D., S. Johnson, and J. Robinson. 2006. *Institutions as the fundamental causes of long-run growth*. In *Handbook of economic growth*, ed., P. Aghion, and S. Durlauf. Amsterdam: North Holland. 385-464.
2. Acs, Z., 2000, 'The Historical Role of the Small and Medium Size Enterprise Sector in Developing and Developed Capitalist States', in B. Dallago and R. McIntyre (eds.), *Great Hopes and Mixed Achievements: SMEs in Transitional Economies*, Oxford and Helsinki: Oxford University Press and UNU/WIDER.
3. Bagella, M. (ed.), 1998, *Distretti, Ricerca e Sviluppo, Esportazioni: Fatti Stilizzati e Risultati Empirici*, Mediocredito

-
- Centrale, Osservatorio sulle Piccole e Medie Imprese, Quaderni di Politica Industriale, N. 19.
4. Barca, F. (ed.), 1997, *Storia del Capitalismo Italiano dal Dopoguerra a Oggi*, Rome: Donzelli.
 5. Carroll, G.B., and M.J. Hammond. 2000. *The demography of corporations and industries*. Princeton: Princeton University Press.
 6. Cheng, W., and X. Yang. 2004. Inframarginal analysis of division of labor: A survey. *Journal of Economic Behavior and Organization* 55:137-74.
 7. Dallago, B., 1996, 'Investment, Systemic Efficiency and Distribution', *Kyklos* 49(4), 615–641.
 8. Diamond, J. 2005. *Collapse: How societies chose to fail or survive*. New York: Viking Penguin.
 9. Engels, Friedrich (1961), *Origin family, chastnoy property and state*, in: Karl Marx and Friedrich Engels, Vol. 2nd ed, Moscow, Part 21
 10. Epstein, J.M., and R. Axtell. 1996. *Growing artificial societies: Social science from the bottom up*. Washington: Brookings Institution Press.
 11. Fisk, G. 1967. *Marketing systems: An introductory analysis*. New York: Harper & Row.
 12. Foss, N. and B. Loasby (eds.), 1998, *Economic Organization, Capabilities and Coordination*, London: Routledge.
 13. Helpman, E. 2004. *The mystery of economic growth*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
 14. Higgs R. (1985), *Crisis, the growth of the state and ideological strike-slip faults, two hypotheses about the “inertial phenomena”*, <http://liberty-belarus.info>.
 15. Ho, S.C. 2005. Evolution versus tradition in marketing systems: The Hong Kong food retailing experience. *Journal of Public Policy & Marketing* 24:90-9.